

ПРИВАВЛЕНІЯ

къ

ДУХОВНОМУ ВЪСТУКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

15-го марта № 6-й. 1895 года.

БЕСѢДЫ

на семь словъ Спасителя со креста,

Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Экзарха Грузіи.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Когда приходится намъ, братіе, слышать какія нибудь слова изъ устъ умирающихъ родныхъ и близкихъ сердцу нашему, то съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваемъ мы ихъ! Мы все тогда превращаемся какъ бы въ слухъ, стараюсь не проронить ни одного слова. И эти дорогія, предсмертныя слова производятъ на насъ столь глубокое впечатлѣніе, что остаются урокомъ на цѣлую жизнь. — Не съ гораздо ли большимъ вниманіемъ должны относиться мы къ предсмертнымъ словамъ нашего Господа? Не гораздо ли болѣе обильнымъ источникомъ утѣшенія и назиданія должны служить они для насъ, какъ слова Богочеловѣка — Искупителя нашего? Вотъ почему, избравъ предметомъ настоящихъ бесѣдъ своихъ съ вами, возлюбленные братіе, семь словъ Спасителя со креста, я льщу себя надеждою, что вы не останетесь глухи къ этимъ бесѣдамъ и не откажете имъ въ благочестивомъ вашемъ вниманіи.

1. Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ.

Вотъ первое изъ этихъ словъ.

Настала страшная ночь и еще болѣе страшный часъ дня, съ того момента, когда Спаситель съ Своими учениками, съ тайной вечера, отправился на Свой страданіа въ Геосиманію. Оставленный Своими, коварно преданный однимъ изъ 12-ти учениковъ своихъ, потерпѣвшій измѣну со стороны Петра, Онъ, связанный и поруганный, приводится къ Первосвященнику и старѣйшинамъ на судъ за то, что Онъ исповѣдалъ Себя Христомъ, Сыномъ Божіимъ. Будучи переданъ затѣмъ въ руки язычниковъ, Онъ подвергается поруганію, оплеванію, заушенію, насмѣшкамъ, увѣнчивается терновымъ вѣнцемъ и съ пощечинами привѣтствуется царемъ іудейскимъ. Какъ борется гордый Римлянинъ съ этими ненавистными іудеями изъ-за жизни обвиняемаго, въ которомъ онъ не находитъ никакой вины! Но напрасно! Да кто можетъ и требовать, чтобы онъ пожертвовалъ благоволеніемъ своего Императора изъ-за того только, чтобы спасти жизнь какого-то почти до смерти замученнаго іудея? Онъ предаетъ Его на распятіе. Вотъ ведутъ они Его къ мѣсту казни. Онъ изнемогаетъ подъ бременемъ креста, нести который помогаетъ Ему нѣкій Симонъ Киринеянинъ. Не плачьте вы, дочери Іерусалима о Немъ! Плачьте о васъ самихъ и о чадахъ вашихъ! Ахъ, если бы кровь этого Агнца, взявшаго на Себя грѣхи всего міра и чадъ его, послужила не къ осужденію вашему, а къ отпушенію грѣховъ вашихъ!

Вотъ достигли они Голгофы—мѣста распятія и приступаютъ къ страшному, кровавому дѣлу. Грубые воины раздѣваютъ Его до нага; только терновый вѣнецъ украшаетъ еще эту израненную и окровавленную голову. Вотъ натягиваютъ они Его тѣло съ распростертыми членами на крестъ,—желѣзными гвоздями прибиваютъ къ нему Его руки и ноги, и Онъ виситъ между небомъ и землею, а по правую и лѣвую сторону отъ Него два разбойника. Съ жадностію набрасываются грубые воины на Его одежды; они дѣлятъ свою добычу и своими окровавленными руками бросаютъ жребій изъ-за этой одежды; а между тѣмъ народъ и старѣйшины толпятся вокругъ креста, съ злорадованіемъ глазѣютъ на Его мученіе и съ язвительною насмѣшкою говорятъ: *Онъ друшкѣ спасалъ, пусть спасетъ теперь Самого Себя, если Онъ Сынъ Божій.*—Вотъ—моментъ, въ который Распятый отверзъ уста свои для этого перваго Своего слова со креста—*слова первосвященническаго ходатайства за Своихъ убійцъ.*

И той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ: яко

овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ струицима ево безгласенъ, тако не отверзаетъ уста своиахъ (Ис. 53, 7). Какъ предсказаль пророкъ объ Агнцѣ Божиємъ, взяшемъ на Себя грѣхи міра, такъ именно и случилось здѣсь, во время Его мученія на крестѣ. Онъ не открываль усть Своихъ противъ тѣхъ, которые Его мучили и вели на заколеніе: *бывъ укоряемъ, противу не укоряше, стражда не прещаше* (1 Петр. 2, 23). Но когда Онъ увидѣль то варварское злодѣяніе, которое совершали они надъ Нимъ, когда представилъ Онъ Себѣ всю великость ихъ вины и всю глубину бѣдствія, которое они навлекали на себя своимъ грѣхомъ, тогда не могъ Онъ болѣе молчать, тогда отвергъ Онъ уста Свои для слова. Не о Своихъ собственныхъ мукахъ, не о томъ позорѣ, который терзаль Его сердце, думаетъ Онъ; Онъ возводитъ молитвенный взоръ Свой горѣ, къ Богу и просить Его о помилованіи тѣхъ, которые такъ безжалостно мучили Его: *Отче, говоритъ Онъ, отпусти имъ: не видятъ бо что творятъ!*

Прославлять имя Отца Своего на землѣ былъ Онъ посланъ, творить волю Отца Своего и совершать Его дѣло было задачею Его жизни. Вотъ почему Онъ готовъ былъ исполнить и всякую правду и выпить до дна ту чашу, которую далъ Ему Отецъ и *была послушиахъ даже до смерти, смерти же крестныа*. А потому-то Онъ и въ этотъ часъ Своихъ тяжкихъ страданій устремляетъ взоръ Свой только къ Отцу. Въ Немъ одномъ было все Его утѣшеніе, въ Немъ одномъ заключался весь миръ Его души. Отторгнутый міромъ, оставленный Своими, Онъ имѣетъ дерзновенный доступъ къ Отцу, волю Котораго Онъ исполняетъ и по волѣ Котораго Онъ страдаетъ и благоволеніе Котораго почиваетъ на послушаніи Сына. Вотъ почему имя Отца является первымъ словомъ, которое слышится со креста изъ усть Сына.

Отче, отпусти! Вотъ содержаніе Его молитвы; она относится къ тяжелой винѣ тѣхъ, которые были причиною Его страданій. Его святая душа въ ужасъ приходитъ предъ великостію ихъ вины. Тамъ, въ небесныхъ высотахъ Онъ видитъ руку Праведнаго Судіи, простертую для отмщенія злодѣямъ и спѣшитъ обратиться къ Нему съ Своимъ ходатайствомъ. Онъ молится о помилованіи враговъ Своихъ, молится, чтобы они обратили сердца свои къ покаянію и подумали бы о томъ, что служить къ ихъ миру, дабы они въ крови, пролитой

ими, могли найти себѣ милость и отпущеніе грѣховъ. *Отче, отпусти имъ!* За кого же собственно молится такъ Спаситель? Только за грубыхъ воиновъ, совершавшихъ дѣло Его казни; за этихъ почти невольныхъ орудій въ рукахъ старѣйшинъ и начальниковъ? Или и за тѣхъ, во имя которыхъ совершено было таковое? За этого гордаго римлянина — Пилата, для котораго благоволеніе его императора было дороже, чѣмъ миръ его совѣсти? За этихъ іудеевъ, которые предали Его въ руки язычниковъ и о которыхъ Господь Самъ говоритъ Пилату: *сею ради предавый мя тебѣ болій грѣхъ имать* (Іоан. 19, 11)? За этотъ народъ, который въ неистовомъ изступленіи кричалъ: *кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ*, равно какъ за этихъ начальниковъ и старѣйшинъ его, которые и теперь, въ самыхъ страданіяхъ Его, находятъ для себя удовольствіе? Да, конечно, за всѣхъ, за весь міръ грѣшниковъ, грѣхи которыхъ Спаситель вознесъ съ Собой на крестъ. Да, она всѣхъ обвиняетъ — эта невинная кровь, пролитая здѣсь; надъ всѣми Онъ видитъ поднятую для суда руку Божию, и за всѣхъ ихъ молится Онъ, Милосердый Первосвященникъ, со креста Своего: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творять!*

Не вѣдятъ бо что творять! Не то значить это, чтобы они не знали, что совершаемое ими дѣло есть грѣхъ. Этого нельзя сказать даже и о невѣжественныхъ воинахъ; еще менѣе можно сказать это о Пилатѣ, которому его совѣсть подсказывала, что Тотъ, Котораго онъ предалъ на смерть, невиненъ, или объ этихъ іудеяхъ и ихъ начальникахъ, для которыхъ самъ Иуда сдѣлался обвинителемъ своими словами: *согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную!* Затѣмъ съ какимъ воодушевленіемъ ранѣе говорили они о Томъ, Котораго они предали теперь въ руки язычниковъ для осужденія на смерть: *великій пророкъ возсталъ между нами, и Богъ послѣдилъ народъ свой* (Лук. 7, 16). *Мы знаемъ*, говорилъ Ему нѣкогда одинъ изъ ихъ начальниковъ, *что ты учитель, отъ Бога пришедшій, ибо никто не можетъ совершать такихъ знаменій, которыя совершаешь ты, если не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. 3, 2).

Не то, слѣдовательно, значить это, чтобы они не знали, что дѣло, совершаемое ими, есть тяжкій грѣхъ, но и не то, чтобы они не знали, что распинаемый ими есть Христосъ, Сынъ Божій. Какого труда стоило Пилату освободиться отъ впечатлѣнія, которое произ-

вель на него Обвиняемый! А эти старѣйшины израильскіе, мудрецы и книжники и эта вся оплотнявшаяся толпа народа, — почему не знали и не уразумѣли они того, что исповѣдываль Петръ и что открыто младенцамъ? Они *не хотѣли* знать, а потому и не знали. Въ исполненіи божественныхъ обѣтованій, какъ оно совершилось предъ ихъ глазами, ничего не было такого, что могло бы благопріятствовать ихъ гордости и честолюбію, ихъ низменнымъ, плотскимъ стремленіямъ и интересамъ. Что имъ было до такого Христа, какъ этотъ? Какая польза могла быть имъ отъ такого царства, въ которое они, какъ грѣшники, должны были входить наравнѣ съ мытарями и грѣшниками? Вотъ почему глаза ихъ были закрыты отъ истины. И однако они *не знаютъ*, что дѣлають, и Апостоль Петръ правъ, если онъ въ день Пятидесятницы говоритъ своему народу: *и нынѣ, братіе, вѣмъ, яко по невѣдѣнію сіе сотвористе, якоже и князи ваши* (Дѣян. 3, 17). Сущую правду говоритъ и Апостоль Павель, когда свидѣтельствуеть, что *премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную..., никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Они не знаютъ, что дѣлають. Если бы они знали это, еслибы они сознавали и съ полною ясностію представляли себѣ всю великость своего грѣха, то они, можетъ быть, и не сдѣлали бы сего! Вотъ почему Господь просить о ихъ помилованіи, дабы они могли это сознать, раскаяться и испросить прощенія грѣховъ своихъ во имя Того, Котораго они распяли.

Ахъ, они *не знаютъ* еще и сейчасъ, *что дѣлають*, — враги Христа и Его креста, когда они, обольщенные призракомъ суетнаго и ложнаго просвѣщенія, почитаютъ за глупость въ тайнѣ сокровенную премудрость Божію, или, соблазняемые похотью своей плоти и заботами міра сего, снова распинають Христа своими грѣхами. Они *не знаютъ*, что *дѣлають* — тѣ бѣдныя, обманомъ своихъ жрецовъ и идолослуженіемъ своихъ предковъ вводимые въ заблужденіе и ослѣпляемые язычниками, когда они снова преслѣдуютъ Христа въ лицѣ Его благовѣстниковъ и миссіонеровъ и съ служителями церкви Христовой дѣлають тоже, что дѣлали іудеи съ своимъ Учителемъ. Да знаемъ ли и всѣ-то мы, что дѣлаемъ мы нашими грѣхами? Вѣдь мы были бы не лучше сатаны, если бы мы ясно представляли себѣ всю мерзость и отвратительность предъ Богомъ грѣховъ нашихъ, и всетаки продолжали бы совершать ихъ! Но этимъ я не хочу сказать, братіе,

что мы въ нашемъ невѣдѣннн достойны только сожалѣннн, а не обвиненнн. Ибо почему же не знаемъ мы того, что мы дѣлаемъ? Почему мы даемъ такъ много свободы и простора своей гордости и себялюбнн, своимъ страстямъ и мнрскимъ заботамъ, что они служатъ преградой къ познаннну единаго на потребу? Почему Духъ Божнн не имѣетъ надъ нами столько силы, чтобы снять покрывало съ очей нашихъ?

О, она всѣхъ насъ обвиняетъ предъ Богомъ — вина совершаемыхъ грѣховъ нашихъ, хотя бы мы и не знали, что мы дѣлаемъ. И то, что мы еще не совершенно погибаемъ во грѣхахъ своихъ, что мѣра Божественнаго долготерпѣннн въ отношеннн нашего растлѣннаго поколѣннн не совсѣмъ еще исчерпана, — это есть плодъ Первосвященнческаго ходатайства нашего Господа Иисуса, съ которымъ Онъ еще и сейчасъ входитъ за насъ къ праведному Суднн всѣхъ Богу, предотвращаетъ Его карающую руку, взывая за насъ — грѣшниковъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ!*

Итакъ прнндите вы, грѣшники, и спѣшите спасать ваши души, пока еще не поздно. Кайтесь и ищите прощеннн вашихъ грѣховъ во имя Того, Котораго вы такъ долго отвергали въ вашемъ невѣрнн, распинали вашими грѣхами, дабы благословеннн Его Первосвященнческой молитвы изливалось и на васъ, какъ излилось оно нѣкогда на три тысячи душъ, которыя, послѣ проповѣди Апостола Петра въ день Пятидесятннцы, принесли покаяннн и крестннлись во имя Господа Иисуса Христа во оставленнн грѣховъ.

„Отче, отпусти имъ: они не знаютъ, что дѣлаютъ“. Въ этой молитвѣ мы узнаемъ нашего Спасителя, Который не учитъ только, но и поступаетъ по слову Своего ученнн: „азъ же глаголю вамъ: любите враги ваши, благословите клянущнн вы; добро творите ненавидящнмъ васъ и молитесь за творящнхъ вамъ напасть и изгоняющнн вы“ (Мф. 5, 44). Такъ поступать учитесь у Него и вы, когда знаете, что братъ вашъ имѣетъ нѣчто на васъ или, наоборотъ, когда вы, понесши отъ другихъ обиду, питаете въ сердцѣ своемъ злобу. Не говорите въ ожесточеннн своего сердца: „Богъ проститъ, а я не могу“; но говорите: Отче, отпусти, прости, оставнн, якоже и азъ оставляю должникомъ моимъ. Смотрите на тѣхъ учениковъ Его и мучениковъ, которые, слѣдуя примѣру своего Учителя, и въ предсмертныхъ агонннхъ молились за своихъ мучителей. Смотрите наприм. на перво-

мученика Стефана, какъ онъ подъ камнями своихъ убійцъ говорилъ: „Господи, не взыщи мѣ грѣха сего“. Смотрите на Иакова, одного изъ числа двѣнадцати, который какъ въ мученической смерти, такъ и въ предсмертной молитвѣ подражалъ Христу: *Господи, говоришь онъ, отпусти мѣ: не взыщятъ бо, что творятъ*. Аминь.

2. *Аминь глаголю тебѣ, днесь со мною будешь въ раи* (Лук. 23, 43).

„Единъ же отъ обышеною злодѣю хуляше его, глаголя: аще ты еси Христось, спаси себе и наю. Отвѣщавъ же другій прещаше ему, глаголя: ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси; и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ нашимъ воспріемлева: сей же ни единого зла сотвори. И глаголаше Иисусови: помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи си. И рече ему *Иисусъ: аминь глаголю тебѣ: днесь со мною будешь въ раи*“ (Лук. 23, 39—43).

Это второе, братіе мои, крестное слово Господа нашего Иисуса Христа! Слово *царскаго изъявленія милости раскаявшемуся грѣшнику*.

Какъ въ праздникъ очищенія евреи окружали своего первосвященника, такъ и здѣсь они окружаютъ истиннаго Первосвященника дома Израилева. Но какое при этомъ ужасное зрѣлище представляется нашему взору. Вотъ виситъ Онъ на своемъ крестѣ, а надъ Нимъ красуется надпись на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ: *Иисусъ Назарянинъ, Царь иудейскій!* Съ правой и лѣвой стороны отъ Него висятъ два разбойника. Одни безучастно стоятъ и глазѣютъ въ толпѣ; а другіе весело забавляются плачевнымъ видомъ Распятаго. Чтобы разсмѣшить толпу, они подсакиваютъ къ Немъ съ различными островами и насмѣшками. Смѣхъ обнимаетъ всѣхъ: смѣется чернь, смѣются распящіе Его воины, смѣются старѣйшины и князья. Такимъ образомъ, въ точности исполнились на Немъ въ этотъ моментъ слова Писанія: *азѣ есмь червь, а не человекъ, поношеніе чельковъ и униженіе людей. Все видящій мя поругашамися, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавитъ его, да спасетъ его, яко хоцетъ его* (Псал. 21, 7—9).

Больно было Спасителю нашему отъ гвоздиныхъ язвъ на рукахъ и ногахъ, но еще больнѣе было Ему, когда одинъ изъ висѣвшихъ близъ Него разбойниковъ, въ виду собственной смерти, презирая

послѣдній призывъ благодати и милости, примкнулъ къ числу насмѣшниковъ и съ язвительною острою сказалъ: „если ты Сынъ Божій, Христосъ, то спаси Себя и насъ!“

Но вотъ среди насмѣшекъ долетаютъ до Его слуха слова совершенно другаго характера. *Ни ли ты боишься Бога*, слышите Ему, *яко въ томъ же осужденъ еси; и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ нашимъ воспріемлева: сей же ни единого зла сотвори*. Кто такой — этотъ герой вѣры, который отважился такъ открыто высказаться за этого жалкаго страдальца и исповѣдать его царемъ іудейскимъ, въ то время, когда молчатъ Его послѣдователи, когда самъ Петръ отрекся отъ Него, когда самые близкіе ученики Его разбѣжались по домамъ своимъ? Поистинѣ здѣсь случилось по слову Господа: *послѣдніи будутъ первыми* (Матѣ. 19, 30)!

Это было поистинѣ бальзамомъ для больной души Спасителя, когда Онъ услышалъ эти слова благоразумнаго разбойника, которыми послѣдній выразилъ горькій упрекъ своему сотоварищу, не удержавшемуся и въ виду собственной смерти отъ насмѣшки: „ужели *не боишься ты Бога*, говорить онъ ему, *когда и самъ осужденъ на то же?*“ Благоразумный разбойникъ упрекаетъ своего товарища такими словами не въ заносчивомъ самовозвышеніи, но въ испугѣ отъ такой степени зла; ибо онъ сознаетъ при этомъ свою виновность и справедливость наказанія, къ которому онъ присужденъ. *И мы убо въ правду*, говоритъ онъ (т. е. мы осуждены справедливо), *достойная бо по дѣломъ нашимъ воспріемлева. Сей же ни единого зла сотвори*; т. е. а въ этомъ, съ ними Распятомъ, ничего нѣтъ такого, за что можно бы подвергнуть Его такой казни, ничего, что не согласно было бы съ Его собственнымъ о Себѣ свидѣтельствомъ, что Онъ есть Христосъ, Сынъ Божій.

Вотъ почему онъ обращается теперь къ Нему и со смиреніемъ просить: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ. Господи*, говоритъ онъ, своимъ Господомъ и Царемъ называетъ онъ Того, въ Которомъ внѣшній глазъ въ этотъ часъ ничего не могъ усматривать величественнаго и царскаго. *Помяни мя*, молитъ онъ Его, *когда приидеши во царствіи Твоемъ!*

Можетъ быть онъ еще прежде слышалъ слова о царствѣ, когда Иисусъ началъ проповѣдывать въ Галилеѣ, *яко исполнися время и приближися царствіе Божіе, покайтесь и въруйте во евангеліе* (Мар.

1, 15); но его сердце было слишком извращено и привязано къ міру, чтобы внять этому призыву и пробудиться къ покаянію и къ вѣрѣ во евангеліе. Можетъ быть онъ былъ вмѣстѣ съ Спасителемъ при допросѣ Послѣдняго у римскаго Судіи и слышалъ утвердительный отвѣтъ Его на вопросъ Пилата, что Онъ дѣйствительно царь, хотя царство Его не отъ міра сего, — и эти слова еще тогда глубоко запали въ его душу и пробудили въ ней серьезное размышленіе. Во всякомъ случаѣ онъ могъ знать причину, по которой іудеи предали Іисуса язычникамъ, такъ какъ объ этомъ свидѣтельствовала и надпись надъ крестомъ Его, и громкій смѣхъ окружающей толпы. Къ тому же онъ самъ былъ свидѣтелемъ той необычайной кротости и терпѣнія, того благородства души и душевнаго спокойствія, которыя обнаруживалъ Распятый во время Своихъ страданій, — своими собственными ушами слышалъ ту молитву за убійцъ, съ которою Іисусъ обращался къ Отцу Своему: *Отче, отпусти имъ; ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ!* Такъ не умираетъ ни одинъ преступникъ, ни одинъ богохуль; такъ можетъ умирать только Тотъ, Который на то родился и на то пришелъ въ міръ; чтобы свидѣтельствовать истину. Онъ есть спасеніе и чаяніе своего народа, обѣтованный царь іудейскій; Онъ есть Христосъ, Сынъ Божій, Котораго Отецъ воскреситъ изъ мертвыхъ и Котораго, по слову Его, узрятъ нѣкогда въ облакахъ небесныхъ, со славою грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ. Блаженъ тотъ, кого Онъ тогда признаетъ Своимъ, кто принять тогда будетъ въ число слугъ Его. О, если бы этотъ Распятый Царь іудейскій, въ дни Своей славы, вспомнилъ и о немъ, и его вмѣстѣ съ Собою ввелъ въ Свое царство! *Помяни мя Господи, егда прійдеши во царствіи Твоемъ!*

Христіанинъ! Когда современные враги Христа и Его крестаругаются надъ Нимъ и поносятъ Его святое имя, то кому угодяешься ты, — ученикамъ ли, которые, боясь выдать себя за учениковъ своего Господа, разбѣжались по домамъ своимъ, Петру ли, который трижды отрекся отъ Его имени, или этому разбойнику, который, не взирая на явное, публичное поруганіе Христа со стороны людей, исповѣдалъ Его, какъ единственное основаніе своего упованія и своего спасенія? *Кто исповѣдаетъ Его предъ челоуьки, того исповѣдуетъ и Онъ предъ Отцемъ Своимъ; кто же отвергнетъ Его предъ людьми, того и Онъ отвергнетъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ.* Ахъ, какъ часто,

друзья мои, это исповѣдническое мужество бѣднаго разбойника приводит насъ въ стыдъ и обвиняетъ въ томъ, что мы слишкомъ дорожимъ міромъ и слишкомъ мало думаемъ о Господѣ и Его благодати, которая и для насъ, въ минуты смерти, составляетъ единственное утѣшеніе и надежду спасенія! Ибо мы, хотя и не принадлежимъ къ числу разбойниковъ и публичныхъ преступниковъ, которые, подобно этому евангельскому разбойнику, въ осужденіи на смерть, получаютъ должное по дѣломъ своимъ; но менѣе ли мы достойны осужденія предъ Тѣмъ, Который испытуетъ сердца и помысленія, знаетъ сокровеннѣйшія мысли и желанія нашего сердца? Горе, поэтому, тому, кто при видѣ этого разбойника, захотѣлъ бы сказать: *благодарю Тя, Господи, что я не таковъ, какъ этотъ злодѣй*. Но благо тому, который, при крестѣ Господа, съ глубокимъ смиреніемъ ударяетъ себя въ грудь, и говоритъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Благо тому, который въ полномъ сознаніи собственной вины и заслуженности наказанія Божія, съ словами „*помяни мя, Господи*“ прибѣгаетъ къ Тому, въ десницѣ Котораго ключи ада и неба и вѣруеть, что Господь славы нѣкогда приметъ его, какъ Своего послѣдователя, въ Свое царство.

На насмѣшки Своихъ враговъ, на поруганіе другаго разбойника Иисусъ Христосъ молчалъ. Но на исповѣданіе и полную вѣры молитву благоразумнаго разбойника Онъ обратилъ къ нему Свою изъязвленную и окровавленную голову, и сказалъ: *аминь глаголю Тебѣ, днесъ со мною будешь въ раи!*

Господи! молился разбойникъ; Господь отвѣчаетъ. Съ Своего креста Господь и Царь говоритъ Свое царское слово: *аминь глаголю тебѣ!*—Разбойникъ проситъ Его о дарованіи ему части *въ будущемъ* Его Царствѣ, и Господь обѣщаетъ ему это *сего дня же*, въ день его смерти. *Днесъ со мною будешь въ раи!*

Въ раи! Имя это указываетъ на эдемскій садъ, гдѣ не было грѣха, гдѣ чада Божіи были счастливы и ходили въ свѣтѣ лица Его. Сегодня, въ день Своей смерти, Онъ вступаетъ въ царство мертвыхъ, къ душамъ, которыя съ вѣрою отца Авраама въ грядущаго Мессію отошли въ вѣчность и вмѣстѣ съ Авраамомъ съ нетерпѣніемъ ожидали исполненія обѣтованія о спасеніи. Мѣсто это Спаситель въ Своей притчѣ называетъ нѣдромъ Авраамовымъ. Днесъ будетъ Онъ въ раи, ибо Онъ идетъ возвѣстить отшедшимъ изъ этого міра душамъ объ исполненіи обѣтованія

Божія об' Искупителѣ. Туда, въ этотъ рай Божій, хочеть Онъ сѣ-
 брать сегодня всѣхъ, которые скончались съ вѣрою въ Него. Тамъ
 они будутъ свободны отъ всякой скорби и печали; тамъ не будетъ
 ихъ мучить грѣхъ, тамъ не будутъ терпѣть они никакихъ нападеній
 со стороны злыхъ враговъ, не будутъ бояться смерти. Тамъ они бу-
 дутъ покоиться до того дня, когда *все тлѣнное облечетъ въ нетлѣнне
 и мертвенное въ безсмертіе*; тамъ будетъ *скинія Божія съ чловѣки и
 вселится съ ними и тѣи людіе его будутъ, и Самъ Богъ будетъ съ ними
 Богъ ихъ: и отъиметъ Богъ всякую слезу отъ очію ихъ, и смерти не
 будетъ кому: ни плача, ни вопля, ни бользни не будетъ кому, яко
 первая мимоидоша* (Апок. 21, 3-4). Туда, въ этотъ рай, общаетъ
 Господь ввести этого разбойника, какъ первую добычу Своей смерти.
 Вотъ то спасеніе, которое напелъ онъ сегодня; такъ какъ и онъ
 есть сынъ Авраама. Послѣ столь порочной и преступной жизни,
 послѣ столь глубокаго самообвиненія, онъ сегодня же, свободный отъ
 всякой вины, отъ всякаго возмездія, входитъ съ Спасителемъ въ рай,
 совершенно святымъ, вѣчно блаженнымъ.

Аминь многолю тебѣ, днесъ со мною будеши въ раи! Какое это
 властное, царское слово въ устахъ Распятаго! Здѣсь крестъ дѣлается
 престоломъ Судіи. Мы видимъ здѣсь нашего Спасителя такимъ, ка-
 кимъ увидимъ Его, когда Онъ придетъ на землю во славу Своей и
 вси святіи Ангели съ Нимъ. Горе тѣмъ, которые похожи на разбой-
 ника съ лѣвой стороны и которымъ Онъ скажетъ: *идите отъ меня
 въ оны вѣчный!* Но благо тѣмъ, которыхъ Онъ назоветъ благословен-
 ными Отца Своего и введетъ въ царство, уготованное имъ отъ сло-
 женія міра.

Аминь многолю тебѣ, днесъ со мною будеши въ раи! О, какъ много
 отрады и утѣшительной надежды вселяетъ это дорогое слово въ души
 тѣхъ, которыя, подобно блудному сыну, проведши жизнь свою без-
 законно, на распутіяхъ міра, на послѣдокъ пробуждаются къ вѣрѣ и
 покаянію и, хотя подъ конецъ жизни своей, простирають свои руки
 къ Спасителю грѣшниковъ! Какъ много облегчаетъ оно наше сердце
 при мысли о тѣхъ изъ почившихъ братій нашихъ, которыхъ мы лю-
 били въ продолженіи всей ихъ жизни, всѣми силами старались при-
 вести ихъ къ Богу и Спасителю, но всѣ наши труды и усилія оста-
 лись, насколько это можно видѣть чловѣку, безплодны! Кто знаетъ,
 можетъ быть и не такъ безплодны, какъ это намъ кажется. Можетъ

быть тѣ, которымъ мы въ продолженіи ихъ жизни безуспѣшно старались указывать на Бога, нашли Его въ часъ смерти, — сѣмя, которое мы, казалось, напрасно сѣяли, всетаки возшло. Въ самомъ дѣлѣ, какія мысли могутъ оживать въ душѣ человѣческой въ тотъ моментъ, когда предъ взоромъ умирающаго выступаетъ вся прошедшая жизнь, освѣщаемая свѣтомъ вѣчности! Какія воспоминанія прежнихъ напрасныхъ, отвергнутыхъ призывовъ благодати ко спасенію! Какіе глубокіе вздохи покаянія и молитвы о помилованіи! И кто скажетъ, не произошло ли при послѣднемъ концѣ между душою, о спасеніи которой мы такъ заботимся, и ея Спасителемъ такое объясненіе: „*Помяни мя Господи*“ и „*Аминь глаголю тебѣ*“?..

И однако, возлюбленные братіе, этотъ примѣръ не даетъ еще намъ повода и основанія къ ослабленію нашихъ заботъ о спасеніи нашихъ душъ. Рядомъ съ этимъ, въ самый моментъ смерти своей, помилованнымъ разбойникомъ мы видимъ здѣсь другаго, который умеръ въ своихъ грѣхахъ, а сколько тысячъ можно насчитать другихъ, которые умираютъ безъ покаянія и вѣры въ Спасителя? Какъ знать и тебѣ, возлюбленный собратъ, — когда откажутся служить тебѣ мысли и чувства, когда, при взглядѣ на прошедшую жизнь, овладѣтъ тобою ужасъ ада, смерти и суда, не слишкомъ ли поздно будетъ тогда, въ эту послѣднюю твою минуту, хвататься за руку Спасителя грѣшниковъ и увѣровать въ благодать, уготованную кающемуся грѣшнику?

Да убоимся убо, да не когда оставлену обѣтованію внити въ покой его явится кто отъ васъ лишився (Евр. 4, 1). Сегодня еще зоветъ тебя гласъ Божій къ покаянію и вѣрѣ: *днесь, егда слышите гласъ его, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Пс. 95, 7—8). Блаженъ, кто неотступно слѣдуетъ за своимъ Спасителемъ Господомъ, кто и въ часъ смерти спокойно можетъ отдать себя въ Его руки. Онъ безопасно проведетъ его чрезъ всѣ ужасы смерти и ада въ рай Божій!

Итакъ, помоги же, Господи! Помяни мя и сегодня, когда я съ вѣрою и глубокимъ сознаниемъ своей грѣховности преклоняюсь предъ крестомъ Твоимъ! Помяни мя и въ послѣднюю минуту моей жизни. Проведи безопасно и меня тогда чрезъ всѣ ужасы смерти и ада, скажи и мнѣ это чудное, вождельнное слово: *днесь со мною будешь въ рай!* Аминь.

3. Жено, се сынъ Твой! — Се Мати твоя!

Стоящу же при крестѣ Иисусовъ Мати Ею и сестра Матери Ею, Марія Клеопова и Марія Магдалина. Иисусъ же, видѣвъ Матерь, и ученика стояща, еяже любяще, глагола Матери Своей: Жено, сей сынъ Твой. Потомъ глагола ученику: се Мати твоя. И отъ того часа поятъ ю ученикѣ во свояси. (Іоан. 19, 25—27).

Есть нѣчто особенно нѣжное и человѣчески — трогательное въ этомъ третьемъ крестномъ словѣ Иисуса, возлюбленные братіе! Послѣ слова Его Первосвященнической молитвы за Своихъ распинателей, послѣ слова Его царскаго изъявленія помилованія раскаявшемуся рабойнику, Онъ еще разъ отверзаетъ уста Свои для слова любви, въ которомъ сказывается сердце сына и друга; но это слово есть въ то же время и слово Спасителя, которымъ Онъ всѣхъ, собравшихся вокругъ креста Его, привлекаетъ къ Себѣ и соединяетъ въ Своей любви.

Такимъ образомъ при крестѣ Спасителя находились не одни только насмѣшники и враги Его. Нѣтъ. Среди громадной толпы этихъ враговъ была незначительная часть и преданныхъ Ему, опечаленныхъ душъ. Хотя ученики Его оставили Его и разбѣжались по домамъ своимъ и только одинъ изъ нихъ, — Іоаннъ, еяже любяще Иисусъ, слѣдовалъ за Нимъ до креста; но женщинъ, которыя сопровождали Его изъ Галилеи и служили Ему, было тамъ, какъ прямо говоритъ евангелистъ Матѳеи, много. (Матѳ. 27, 55). Онѣ стояли вдали и въ безмолвной скорби смотрѣли на печальное зрѣлище. Нѣкоторыя же изъ нихъ, которыхъ евангелистъ называетъ по именамъ, подошли къ самому кресту. Пламенная любовь ихъ пренобѣдила въ нихъ всякій страхъ. О, поистинѣ геройская душа живетъ въ женщинѣ, когда воодушевляетъ и укрѣпляетъ ее любовь. Онѣ не обѣщали Спасителю, подобно ученикамъ Его, что онѣ никогда не оставятъ Его. Онѣ не завѣряли Его, какъ Петръ: „если бы мнѣ и умереть пришлось съ Тобою, и тогда не оставлю Тебя“; но онѣ сдѣлали то, что тѣ на словахъ только обѣщали сдѣлать, — онѣ не оставили Его и въ моментъ самой смерти.

Впереди других мы видим погруженную въ глубокую скорбь Марію, Матеръ Иисуса. Кто сумѣетъ сказать, что чувствовала она въ этотъ часъ душевной туги? Гдѣ теперь всѣ ея надежды и чаянія, которыя присущи были ей съ того момента, когда Ангель привѣтствовалъ ее благословенною въ женахъ? Теперь чрезъ ея душу, какъ нѣкогда пророчески предвозвѣстилъ праведный Симеонъ, проходить оружіе. Съ невыразимою скорбью, безсильная для помощи, стоитъ несчастная женщина при крестѣ Сына свидѣтельницею Его позора и Его страданій! И какая съ этого часа ожидаетъ ее участь? Теперь она въ глазахъ людей—Мать богохула, который, какъ проклятіе міра, какъ извергъ рода человѣческаго умеръ на крестѣ. Она изныла бы въ своей скорби, если бы въ душѣ ея не оставалось воспомина- нія о великихъ божественныхъ обѣтованіяхъ и вѣры въ непрелож- ность слова Божія, которую она лелѣяла въ своемъ сердцѣ и кото- рая служила поддержкою и опорю для ея надежды. Но какъ поко- лблена была эта опора подъ тяжестію ужасныхъ событій! Одна только едва мерцавшая искорка этой вѣры осталась въ ней. Вотъ слышитъ она, какъ изрекаетъ Онъ слово первосвященнической мо- литвы за Своихъ мучителей: *Отче, отпусти имъ: не въдытъ бо что творятъ!* Вотъ слышитъ она, какъ Онъ утѣшаетъ Своимъ царственно- властнымъ *аминь малолю тебѣ* благоразумнаго разбойника. Такое утѣшительное обѣщаніе Его сильно подѣйствовало на ея душу и пробудило въ ней неотразимое желаніе: ахъ, если бы и она сегодня, изъ этого моря скорби могла войти вмѣстѣ съ Нимъ въ рай Бога!

Такъ стоитъ исполненная скорби Мать при крестѣ своего Сына; она протѣсняется сквозь толпу какъ можно ближе къ Нему, доходить до самой стражи, которая окружала крестъ, смотритъ Ему прямо въ глаза, готовая повиснуть на Его губахъ. Ужели Тотъ, Который на крестѣ Своемъ не лишилъ Своей любви и состраданія и враговъ Своихъ, Который изрекъ слова помилованія разбойнику, не имѣетъ слова любви для самыхъ ближнихъ Своихъ, для Своей Матери? О, нѣтъ. Онъ никого не лишалъ Своей любви даже въ минуту Своихъ страданій, Онъ никогда не обходилъ Своею любовью никого, кто нуждался въ ней. Вотъ открываетъ Онъ уста Свои и, обратившись къ Матери, указываетъ ей на ученика, котораго Онъ особенно любилъ, и говоритъ: *Жено, се сынъ Твой!*

Женщина, говоритъ Онъ, а не *мать*. Почему же Онъ не назы-

ваець ея матэрыю дажэ вь этотъ послѣдній часъ, — часъ разлуки? Не боялся ли Онъ именовемъ матери еще болѣе увеличить скорбь ея? Не хочеть ли Онъ предупредить, чтобы этимъ названіемъ не вызвать вь отношеніи ея еще болѣе насмѣшекъ и издѣвательства? Или имя „женщина“ должно было и вь этотъ часъ напомнить Матери, что ея отношеніе къ этому Сыну было не таково, какое бываетъ у матерей къ сыновьямъ своимъ по плоти, что Этотъ Сынъ Матери не былъ рожденъ для того только, чтобы имѣть заботу и попеченіе о Матери, но чтобы быть Искупителемъ міра. Почему она и не должна теперь плакать о Немъ такъ, какъ плачетъ мать о сынѣ. Сѣмя жены для спасенія всѣхъ, рожденныхъ женою, идетъ раздавить главу змія. Посланный Отцемъ Своимъ вь міръ для искупленія его Своею кровію и смертію, Онъ, совершивъ дѣло Отца, идетъ теперь къ Нему для принятія славы, которую Онъ имѣлъ у Него прежде, чѣмъ сталъ существовать міръ. Какъ же могла она препятствовать Ему или удерживать Его, или ожидать отъ Него сыновняго попеченія?

Но чѣмъ не могъ быть для нея Самъ Онъ, тѣмъ назначилъ Онъ для нея того, который ближе всѣхъ былъ Его сердцу, т. е. одного изъ двѣнадцати учениковъ Своихъ, Іоанна Богослова, который самъ говоритъ о себѣ какъ объ ученикѣ, *егоже любляше Іисусъ*. Жено, сказль Онъ, обратившись къ Матери, *се сынъ Твой!*

Спрашиваютъ, почему же Іисусъ вь этомъ случаѣ указаль Матери Своей именно на Іоанна, а не на братьевъ Своихъ по плоти, т. е. дѣтей Іосифа обручника? Только потому, что семейство Іоанна, какъ кажется, пользовалось лучшимъ благосостояніемъ и большимъ достаткомъ и Мать Его могла найти у него болѣе вѣрное обезпеченіе? — Но Марія вь это время нуждалась болѣе всего не во внѣшнемъ, матеріальномъ обезпеченіи. Послѣднее она всего менѣе находила до сихъ поръ и у своего Сына; такое, небогатое содержаніе она, можетъ быть, нашла бы и у братьевъ Іисуса. Но что было всего болѣе дорого и нужно для Нея, — именно любовь, утѣшеніе вь скорби, поддержку и подкрѣпленіе вь ея оскудѣвшей вѣрѣ и надеждѣ, этого она рѣшительно не могла найти у своихъ пасынковъ — братьевъ Іисуса по плоти. Ибо послѣдніе еще не вѣровали вь Іисуса. Онъ и вь ихъ глазахъ былъ теперь еще нечестивымъ богохуломъ, который умеръ на древѣ клятвы, опозоривъ родъ свой. Вотъ почему Спаситель и указаль пріютъ для Своей Матери не у братьевъ, а у

этого ученика, котораго Онъ любилъ и который одинъ только изъ всѣхъ двѣнадцати учениковъ слѣдовалъ за Нимъ до самаго креста. *Вотъ*, сказалъ Онъ ему, *Мать твоя!*

Какъ печально, когда тѣ, которые живутъ въ одномъ домѣ, какъ члены одной и той же семьи, остаются чуждыми и даже враждебными другъ другу по своимъ глубочайшимъ и внутреннѣйшимъ потребностямъ человѣческаго сердца! Истинная связь членовъ семьи, истинное благородство всякой человѣческой дружбы и любви состоитъ въ томъ, когда соединенные узами крови и родства собираются къ кресту Господню и соединяются въ любви Того, Который насъ прежде возлюбилъ, и въ блаженномъ общеніи единой вѣры и единого вѣчнаго упованія.

Можетъ быть Іоаннъ не оставилъ бы Матери Иисуса и безъ порученія Последняго, но теперь, въ силу слова Учителя, попеченіе о ней являлось для него, какъ дорогой залогъ Его любви. Вотъ почему онъ тотчасъ же исполнилъ завѣщаніе Учителя и немедленно взялъ Мать Его въ домъ свой. Съ этого времени, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ Іоаннъ содержалъ въ своемъ домѣ Мать Иисуса, окружая ее съ сыновнею преданностію и любовью своими заботами, пока она не скончалась на его рукахъ на 63-мъ году своей жизни.

Итакъ несомнѣнно, братіе — христіане, что есть нѣчто необыкновенно-нѣжное и человѣчески — трогательное въ этомъ третьемъ крестномъ словѣ Господа. Здѣсь раскрывается предъ нами любвеобильное сердце Того, Который въ двухъ другихъ словахъ Своихъ на крестѣ является какъ Господь и Судія міра. Отсюда научаемся мы, что христіане не имѣютъ надобности и не должны стыдиться чувства человѣческой любви и дружбы; мы не имѣемъ нужды и не должны переставать быть людьми, чтобы сдѣлаться христіанами. Здѣсь становится для насъ понятнымъ, что значить то обстоятельство, что Спаситель не захотѣлъ однажды оставить Своихъ занятій изъ-за Своей Матери. Его видѣть. Отсюда становится яснымъ для насъ и то, почему Онъ съ нѣкоторою укоризною говоритъ тому ученику, который, прежде чѣмъ слѣдовать за Нимъ, хотѣлъ погребсти своего отца: *остави мертвымъ погребсти своя мертвецы* (Лук. 9, 60)! Такъ это, безъ сомнѣнія и есть, такъ и должно быть. Ради Господа и Его царства необходимо отказывать себѣ и въ самой любимой Наклонности, которая можетъ мѣшать намъ въ нашемъ собственномъ

спасеніи или въ дѣлѣ нашего вѣрнаго служенія Господу. Кто любить отца или мать, брата или сестру, сына или дочь, болѣе Его, тотъ недостоинъ Его. Но ты вѣрнѣе, лучше и болѣе по-христіански исполняешь твое христіанское призваніе, когда ты стараешься служить Богу въ тѣхъ условіяхъ и границахъ жизни, которыя указаны тебѣ Самимъ же Богомъ, воздавая Божіе Богови, а Кесарева Кесареви. Не по-христіански поступилъ бы тотъ, кто ради какой либо, хотя бы и высокой, но самопроизвольно избранной цѣли, — будь это въ церкви, или государствѣ, въ искусствѣ или наукѣ, или въ области благотворенія и дѣлѣ любви, — отказался бы отъ своихъ прямыхъ (напр. семейныхъ или начальственныхъ) обязанностей и сложилъ бы съ себя попечительную заботу о тѣхъ, которые вручены ему Самимъ Богомъ. *Аще кто о своихъ*, пишетъ Апостоль Павелъ, *паче же о присныхъ не промышляетъ, въры отверся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8).

Лучшей любви и заботы о ввѣренныхъ нашему попеченію, конечно, мы не можемъ оказать, какъ если приведемъ ихъ ко Господу, т. е. если дадимъ имъ доброе нравственно-религіозное воспитаніе и направленіе и затѣмъ предоставимъ ихъ любви и попеченію Самого Господа. Онъ не отказалъ въ Своей любви и благопопечительности никому изъ собравшихся вокругъ креста Его; Онъ не откажетъ въ этомъ и твоимъ приснымъ. Онъ знаетъ глубочайшую потребность человѣческаго сердца и всегда готовъ идти къ ней на встрѣчу съ Своею вѣрною, нѣжною заботою и любовью. Молитесь только, братіе, Ему въ этой любви о томъ, чтобы не остались послѣ вашей смерти ввѣренные вашему попеченію необезпеченными и сирыми, и Онъ найдетъ вашимъ дѣтямъ отцовъ и матерей, вашимъ матерямъ и вдовамъ сыновей и опекуновъ, какъ нашель своей Матери — сына и попечителя, а своему другу — любящую и заботливую Мать.

Но это слово любви не есть только слово сына и друга, и относится не къ одной Матери и ученику, егоже любляше Иисусъ. Это — слово и Спасителя, имѣющее отношеніе ко всѣмъ, собравшимся вокругъ креста Его послѣдователямъ. Онъ говоритъ всѣмъ имъ: *любите другъ друга*, какъ Я возлюбилъ васъ! Любите другъ друга, какъ кровные родственники, каковыми вы сдѣлались во Мнѣ чрезъ кровь Мою, которую пролилъ Я за васъ.

Друже! ты завидуешь Іоанну, что Господь удостоилъ его чести

быть попечителемъ и сыномъ Его Матери. Такъ не забывай, что сказала Онъ, когда Мать и братья Его желали Его видѣть, указывая на Своихъ учениковъ: „*вотъ кто — моя мать и мои братья!* Ибо кто творитъ волю Отца Моего небеснаго, тотъ мой братъ, сестра и мать (Матѳ. 12, 49. 50)! Возьми же къ себѣ всѣхъ, на которыхъ Господь указалъ тебѣ этими словами, и окружи ихъ всеяческою заботою и попеченіемъ! Иди и корми во имя Его алчущихъ, одѣвай нагихъ, утѣшай печальныхъ, поддерживай слабыхъ, посѣщай вдовъ и сиротъ въ ихъ скорби! Аминь.

Религіозно-нравственное міровоззрѣніе русскаго народа по пословицамъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Нравственныя понятія русскаго народа. Съ религіозными представленіями русскаго народа тѣсно связаны или вѣрнѣе на нихъ основываются его нравственныя понятія. Выясняя понятіе русскаго человѣка о Богѣ, мы отчасти касались этого вопроса, но теперь сдѣлаемъ это подробнѣе.

Свои обязанности къ Богу, цѣль своей жизни русскій народъ кратко выразилъ пословицей: „жить—Богу служить“. Это служеніе Богу должно проявляться въ постоянномъ представленіи Бога, въ чистотѣ сердца и въ воздержаніи отъ дурныхъ дѣлъ: „Въ простыя сердца Богъ зреть“; „Богу молись, а злыхъ дѣлъ берегись“; „простота да чистота—половина спасенія“; „простота человѣка къ Богу приводитъ“; „въ простыхъ сердцахъ Богъ почиваетъ“; „гдѣ просто, тамъ Ангеловъ со сто, гдѣ хитро (или мудрено), тамъ ни одного“. Только подъ условіемъ постоянного хожденія предъ Богомъ можно дойти до всего благаго: „съ Богомъ пойдешь, до благаго дойдешь“, а „Божье забудеши и своего не получишь“. Сила, которая побуждаетъ человѣка усовершенствоваться и подражать своему Творцу, есть внутреннее Богопочтеніе, страхъ предъ Богомъ, который сильнѣе всего дѣйствуетъ въ человѣкѣ: „никого не бойся, только Бога бойся“; „не боюсь никого, кромѣ Бога одного“; „никого не боюсь, только Бога боюсь“. Внутреннее Богопочтеніе заставляеть человѣка

¹⁾ См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экзархата», № 11—12-й за 1894 г.

во всемъ отдаться и положиться на волю Божью и ей подчинить свою дѣятельность: „какъ Богу угодно“; „Господня воля — наша доля“; „не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велить“; „на все власть (воля) Создателя“. Созерцаніе Бога и преданность Ему заставляютъ человѣка цѣнить достоинство дѣлъ и людей не по относительной ихъ пользѣ, а потому, насколько они пріятны Богу: „что Богу угодно, то и пригодно“; „что Богу не угодно, то и не сильно“; „кто Богу угоденъ, тотъ и людямъ пріятенъ“. Только при Богопочтеніи человѣкъ замѣчаетъ премудрость Божию въ дѣлахъ творенія, размышляетъ о нихъ и испытываетъ благоговѣйный трепеть: „начало премудрости — страхъ Господень“; „премудры дѣла Твои, Господи! Проникновеніе Богомъ есть самое надежное средство удержать человѣка отъ дурныхъ дѣлъ и вѣрнѣйшее ручательство присутствія Бога въ его душѣ: „въ комъ есть Богъ, въ томъ есть и стыдъ“; „въ комъ есть страхъ, въ томъ есть и Богъ“. Не испытывая страха предъ Богомъ, человѣкъ не боится и людей, теряетъ стыдъ и совѣсть, „кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится“; „тому не думается, кто Бога не боится“. Когда говорятъ въ упрекъ кому-нибудь: „Бога ты не боишься!“ „развѣ ты въ Бога не вѣруешь“, то дѣйствуютъ именно на эту сторону души человѣческой.

Совѣсть. Внутренними оберегателями и охранителями чистоты души человѣка, показателями присутствія Бога въ душѣ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ стражами нашей нравственности служатъ совѣсть и стыдъ: „добрая совѣсть — глазъ Божій“. Дѣйствіе совѣсти прекрасно выражается пословицей: „совѣсть съ молоточкомъ: и постукиваетъ и наслушивается“. При этомъ совѣсть предшествуетъ стыду и служитъ основаніемъ этого чувства, обнаруживающагося всякій разъ послѣ поступка, совершеннаго въ присутствіи другихъ людей: „есть совѣсть, есть и стыдъ, а стыда нѣтъ и совѣсти нѣтъ“. Конечно, человѣку, убившему въ себѣ эти чувства и, слѣдовательно, порвавшему всякія нравственныя узы, связывающія его съ другими людьми, легче живется: „убей Богъ стыдъ, такъ будешь сытъ“; „первое счастье — коли стыда въ глазахъ нѣтъ“; „первый даръ на роду, коли нѣтъ въ глазахъ стыда“. Про такихъ людей народъ говоритъ: „у него совѣсть — дырявое рѣшето“; „про его совѣсть можно сказать повѣсть“; „у тебя совѣсть — что розвальни: садись — да катись“ (т. е. просторна). Но хотя „съ такою совѣстію

жить хорошо, да умирать плохо“. Поэтому лучше умереть, чѣмъ не имѣть стыда и совѣсти по пословицѣ: „умри, коли стыда нѣтъ!“ Совѣсть и стыдъ составляютъ существо души человѣка: „коли нѣтъ души, такъ что хочешь пиши!“ Вообще русскій человѣкъ всего болѣе цѣнитъ чистоту души и ею не хочетъ поступиться въ виду какихъ-нибудь выгодъ и житейскихъ разчетовъ: „душа всего дороже“; „душа завѣтное дѣло“; „не криви душой, кривобокъ на тотъ свѣтъ уйдешь“; „душой кривить — черту служить“.

Съ особенною силою эти свойства обнаруживаются въ области правдивости и честности въ отношеніяхъ съ другими людьми. Поэтому-то русскія пословицы даютъ такое высокое и полное понятіе о правдѣ и неправдѣ.

Правда — неправда. „Правда, по русскимъ пословицамъ, свѣтлѣе солнца“, „чище яснаго солнца“, „дороже золота“, „деньги смогутъ много, а правда все“. Она сама по себѣ хороша и привлекательна, и не нуждается въ какихъ-либо прикрасахъ: „правда не рѣчиستا“; „на правду словъ не много“; „на правду нѣтъ словъ“, т. е. она сама выскажется: „правды ни молотить, ни вѣять“; „правды не ситомъ сѣять: она сама себя очиститъ“. Но правда существеннымъ образомъ отличается отъ суда: „правда суда не боится“; „на правду суда нѣтъ“; „на пословицу, на дурака, да на правду — и суда нѣтъ“. Сердиться и обижаться на правду нельзя: „на правдѣ ничего не возьмешь“; на правдѣ взятки гладки“, а потому за нее слѣдуетъ быть только благодарнымъ: „за правду не судись: скинь шапку, да поклонись“. Свойство правды таково, что она рано ли, поздно ли, но непременно обнаружится: „право, что лихота: всегда наружу выдетъ“; „какъ ни жаться, а въ правдѣ признаться“; „правда въ огнѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ“; „правда тяжелѣе золота, и на водѣ всплываетъ“; „правда, что масло, вездѣ всплываетъ“; „какъ ни хорони концовъ, а выйдутъ наружу“; „какъ ни крой, а швы наружу выйдутъ“. Ее нельзя подкупить золотомъ, ни запятнать грязью и клеветой: „засыпь правду золотомъ, а она всплыветъ“; „завали правду золотомъ, затопчи ее въ грязь — все наружу выдетъ“.

Правда служитъ основаніемъ общежитія человѣческаго и внутренняго душевнаго спокойствія: „безъ правды не житье, а вытье“; безъ правды жить — избожиться, а не повѣрять — удавиться“, потому что „извѣришься въ рублѣ, не повѣрять и въ иглѣ“, поэтому „безъ

правды не живутъ люди, а только маются“. Съ другой стороны хотя „правда груба, да Богу люба“; „правда гнѣвна, да Богу мила“; „Богъ тому даетъ, кто правдой живетъ“; „кто правды ищетъ, того Богъ сыщеть“; „Богъ на правду зрить“; „за правду Богъ и добрые люди“; и напротивъ, „въ правдѣ Богъ помогаетъ, а въ неправдѣ караетъ“; „неправаго Богъ покараетъ“; „кто неправдой живетъ, того Богъ убьетъ!“ Вотъ сколько представляется побужденій къ тому, чтобы жить правдой и избѣгать всякой неправды, лжи и обмана! Поэтому русскія пословицы представляютъ такой мощный призывъ къ правдѣ: „за правое дѣло стой смѣло“; хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь“; хлѣбъ-соль кушай, а правду слушай“; „правду говори, что дрова руби“; „дѣло знай, а правду помни“; „дѣло дѣлай, а правды не забывай“; ибо „лучше умереть, чѣмъ неправду терпѣть“. Предъ великими и сильными вѣка сего также слѣдуетъ говорить правду: „царевъ хлѣбъ ѣшь, а правду рѣжь“. Но пословица, будучи полнымъ выраженіемъ народной жизни, не закрываетъ глазъ на эту жизнь и вполне сознаетъ, что „правда глаза колетъ“; „правда уши деретъ“; она „тошнѣ перечосу“, „рогатиной торчитъ“. Поэтому „правду говорить—себѣ досадить“; „правду говорить—никому не угодить“; „говорить правду—терять дружбу“; „правду говорить—друга не найти“; „правда въ лаптяхъ; а кривда, хоть и въ кривыхъ, да въ сапогахъ“. На этомъ основаніи, чисто по житейскимъ соображеніямъ, „всякъ правду знаетъ, да не всякъ правду баеть“; „всякъ правду хвалить (любить), да не всякъ ее сказываетъ“; „всякъ про правду трубитъ, да не всякъ правду любить“; „всякъ правду хвалить, да не всякъ ее хранить“. Человѣкъ находится въ довольно затруднительномъ положеніи: съ одной стороны „безъ правды вѣку не изживешь“; „безъ правды не житье, а вытье“;—а съ другой—„безъ правды не жить—да и о правдѣ не жить“; „съ кривою жить больно, съ правдою тошно“; „правдой жить отъ людей отбыть“; „неправдой жить—Бога прогнѣвить“. Поэтому пословица такъ высоко цѣнитъ людей, стоящихъ за правду; „кто за правду горой, тотъ истинный герой“; „доброе дѣло—правду говорить смѣло“. Но какъ ни высоко пословица цѣнитъ правду, однако, снисходя къ расчетамъ житейскаго благоразумія, она въ тоже время говоритъ: „съ нагольной правдой въ люди не кажись“; „не говори правды, не теряй дружбы“, потому что хороша правда—матка, да не передъ людьми,

а передь Богомъ“; „хороша святая правда, да въ люди не годится“.

Но откуда же явилась неправда и всякій грѣхъ? Пословица говоритъ: „невольный грѣхъ живеть на всѣхъ; „рождаемые во плоти причастны грѣху“.. Со времени паденія первыхъ людей грѣхъ передается по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе: „всѣ Адамовы дѣтки“; „Адамъ согрѣшилъ, а мы воздыхаемъ“; „Ева Адама прельстила, весь родъ погубила“. Съ тѣхъ поръ „міръ въ суетахъ, человѣкъ во грѣхахъ“; „міръ во злѣ лежитъ“.

Главнымъ виновникомъ зла на землѣ является діаволь, который по своему существу представляетъ прямую противоположность съ Богомъ. Насколько Богъ любитъ добро и правду и помогаетъ людямъ въ добрѣ, настолько діаволь является воплощеніемъ всего дурного, злого: „Богъ любитъ праведника, а чортъ ябедника“; „гдѣ Господь пшеницу сѣеть, тамъ чортъ плевелы“. Діаволь—источникъ всякой неправды, всякой лжи: „горе отъ Бога, а неправда отъ лукаваго“; „вся неправда отъ лукаваго“. Все его занятіе, вся его профессія состоитъ въ томъ, чтобы сбивать съ добраго пути и соблазнять людей, а особенно святыхъ: „Богъ даетъ путь, а діаволь крюкъ“; „Господь умудряетъ слѣпца, а діаволь искушаетъ чернеца“. Въ этомъ дѣлѣ онъ является ловкимъ, увертливымъ подстрекателемъ на каждомъ шагу, и нѣтъ такого человѣка, который могъ бы противостать кознямъ діавола: „сатана и святыхъ искушаетъ“; „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“. Но хотя діаволь обладаетъ большою властью надъ человѣкомъ—„бѣсъ качаетъ горами, не только нами“; „силенъ бѣсъ, и горами качаетъ, а людьми, что вѣниками, трясеть“;—однако онъ пользуется такой силой только по особому попушенію со стороны Бога и проявляетъ свое вліяніе надъ тѣми, кто не обнаруживаетъ ему противленія: „хвалится чортъ всѣмъ свѣтомъ овладѣть, а Богъ не далъ ему воли и надъ свиньей“; „не поддайся чорту, такъ ему и власти нѣтъ надъ тобой“. Поэтому пословица говоритъ: „на лукаваго только славу пускаютъ, а сами грѣшатъ“. Человѣкъ грѣшитъ по распущенности своей, по наклонности къ грѣху. Въ угоду этой распущенности и для оправданія своихъ грязныхъ дѣлишекъ и придуманы пословицы: „что полжешь, то и поживешь“; „не соврешь и зубу не набьешь“; „не нами стала неправда, не нами и кончится“; „свѣтъ споконь вѣку неправдой стоитъ“; „не солгать, такъ и не продать“ и проч. Но здравая народная мудрость говоритъ иначе: „правду по-

губишь, и самъ съ нею пропадешь“; „правду похоронишь, да самъ изъ ямы не выльзешь; неправдой свѣтъ пройдеши, да назадъ не воротишься“. Хотя „правда у Бога, а кривда на землѣ“, однако народъ твердо вѣритъ въ торжество правды надъ кривдой, добра надъ зломъ, когда говоритъ: „все минется, одна правда останется“, „добро худо переможетъ“; „не устоятъ худа противъ добра“; „доброе дѣло на вѣкъ“; „добро не умретъ, а зло пропадетъ“.

Въ отношеніи къ Богу русскій народъ признаетъ для себя обязательнымъ три вида Богопочтенія: вѣру, надежду и любовь.

Вѣра. Вѣра необходима для человѣка и въ этой и загробной жизни: „съ вѣрой нигдѣ не пропадешь“; „безъ вѣры живутъ на этомъ свѣтѣ, а на томъ не проживешь“; „безъ вѣры Господь не исправитъ“. Дѣйствіе вѣры на душу человѣка таково, что она обновляетъ человѣка: „вѣра животворитъ“, „вѣра спасаетъ“. „Сильная вѣра горы съ мѣста сдвигаетъ“. Такая вѣра пріятна Богу: „Богъ любитъ вѣру (а деньги счетъ). Но эта вѣра должна быть живою, дѣятельною, т. е. сопровождаться добрыми дѣлами: „безъ добрыхъ дѣлъ вѣра мертва предъ Богомъ“.

Надежда. Предоставленный самому себѣ въ практической жизни слишкомъ слабый, чтобы противостать своими силами природѣ и житейскимъ невгодамъ и напастямъ, человѣкъ естественно нуждается въ посторонней помощи и эту поддержку онъ находитъ въ надеждѣ на Бога. Надежда на высочайшее покровительство главнымъ образомъ поддерживаетъ русскаго человѣка въ борьбѣ и утѣшаетъ его во всѣхъ бѣдахъ: „не унывай, а на Бога уповай“; „вѣкъ живи, вѣкъ надѣйся“; „тотъ не унываетъ, кто на Бога уповаетъ“. Зная безпредѣльность милости Божіей, человѣкъ переходитъ отъ надежды на Бога къ увѣренности въ Его несомнѣнной помощи: „на Бога положиться, не обложиться“; „Богъ дастъ день, дастъ Богъ и пищу“; „никто не можетъ, такъ Богъ поможетъ“. Но эта утѣшительная надежда и успокоивающая преданность Богу не должны граничить съ безпечностью и переходить въ праздную и вредную бездѣятельность: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“; „на Бога уповай, а безъ дѣла не бывай“; „Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ“. Въ русскихъ пословицахъ при надеждѣ на помощь Бога рекомендуется самодѣятельность, самое внимательное отношеніе къ обстоятельствамъ: „Богу молись, а добра ума держись“; „Богу молись, а въ дѣлахъ не

плошись“; „Богу молись, а къ берегу гребись“. Богъ подаетъ только трудолюбивому: „Богъ труды любить“; „кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ“; „кто не лѣнивъ пахать, тотъ будетъ богатъ“; „кто пахать не лѣнится, у того и хлѣбъ родится“; „Богъ далъ здоровье въ дань, а деньги самъ достань“; „далъ Богъ руки, а веревки самъ вей!“ и пр. Лѣнливый, безпечный напрасно будетъ разсчитывать на помощь Божию: „коли самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ“; „будешь плохъ, не дастъ и Богъ“.—Не посѣявъ ни горсти, да пошли Богъ пригоршни!“ „уроди, Боже, побольше, а посѣяннаго —ни горсти“; „уроди, Боже, много, а не посѣяно ничѣго!“—такъ иронизируетъ самъ народъ надъ тѣми, кто самъ сидитъ сложа руки и возлагаетъ всѣ свои надежды только на Бога. Исходъ отсюда одинъ: „Боже, помози, а самъ трудись!“ „Съ Богомъ начинай, а руками кончай!“ „Ори, да Бога моли; паши, ни о чемъ не тужи!“ „Богу молись, крѣпись, да за соху держись!“

Я. Чрединъ.

(Продолженіе будетъ).

ОСНОВЫ ВРАЧЕБНОВѢДѢНІЯ.

IV. Лѣченіе.

(Продолженіе *).

Больной изслѣдованъ и его болѣзненное состояніе болѣе или менѣе выяснено и распознано. Дѣло теперь остается за лѣченіемъ или врачевнымъ пособіемъ больному. Съ понятіемъ о лѣченіи обыкновенно во всѣхъ слояхъ общества связано представленіе о назначеніи лѣкарства отъ болѣзни. Больной, когда онъ обращается за совѣтомъ къ врачу, всегда ждетъ прописки лѣкарства, возлагая всю надежду на послѣднее. На самомъ дѣлѣ главная сущность лѣченія не въ лекарствахъ. Гигіеническая и діететическая обстановка больного играетъ важную и первенствующую роль, а лѣкарственная помощь можетъ имѣть значеніе только при выполненіи первыхъ условій. Но всетаки спрашивается: какъ назначать лѣкарства? Разъ болѣзнь рас-

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» № 5-й 1895 г.

познана, то остается, казалось бы, только выбрать по памяти или по книгѣ какое-либо лѣчебное средство изъ нѣсколькихъ рекомендуемыхъ противъ данной болѣзни. Такое лѣчение будетъ случайное, наудачу или наавось. И при назначеніи лѣкарства слѣдуетъ также держаться строгаго порядка и лучше всего поступать такъ: нужно послѣдовательно обсуждать, какія гигиеническія мѣры и какія лѣчебныя средства показуются найденными при распознаваніи разстройствъ органовъ пищеваренія или другихъ брюшныхъ, — далѣе — что показуется имѣющимися разстройствами органовъ дыханія или кровообращенія и т. д., обозрѣвая непорядки, найденные во всѣхъ частяхъ организма. Послѣ сего слѣдуетъ обсудить: не противоположаются ли мѣры и средства, требуемыя непорядками въ однихъ органахъ, разстройствомъ въ другихъ и, такимъ образомъ, взвѣсивъ все *за и противъ*, отдать преимущество важнѣйшему и выбрать то, что наиболѣе показуется и наименѣе противопоказуется состояніемъ организма больного объекта. При этомъ нужно помнить, что не болѣзнь врачуется, а заболѣвшій организмъ и все стремленіе при лѣченіи сводится лишь къ облегченію выхода къ здоровью, къ помощи организму перенести посѣтившую его болѣзнь.

Не особенно давно еще врачи смотрѣли на всякую болѣзнь, какъ на нѣчто входящее въ организмъ извнѣ, какъ на родъ отравленія, противъ котораго нужно искать соответствующаго противоядія или *специфическаго* лѣкарственнаго средства. Не врачи и по сіе время такъ думаютъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Болѣзнь есть нарушеніе правильной жизни организма или его части (той или другой ткани или органа), могущее происходить отъ очень разнообразныхъ причинъ и выразиться въ очень неодинаковой формѣ. Происходящія оттого измѣненія въ человѣческомъ тѣлѣ могутъ быть устраняемы тоже разнообразными путями. Поэтому въ разныхъ періодахъ и у разныхъ лицъ, имѣющихъ одну и ту же болѣзнь, могутъ быть примѣняемы не всегда одни и тѣ же средства. Для заразныхъ болѣзней въ послѣднее время, правда, узнали для многихъ изъ нихъ заражающее или отравляющее вещество въ формѣ разнообразныхъ микроорганизмовъ, проникающихъ въ наше тѣло. Но эти микроорганизмы не всегда и не одинаково заражаютъ или отравляютъ человѣческой организмъ. Мы не знаемъ хорошо до сихъ поръ сущности

отравы, производящей болѣзни, а потому и не можетъ быть рѣчи о противоядіяхъ или специфическихъ лѣкарствахъ отъ тѣхъ разнообразныхъ измѣненій въ тканяхъ и жидкостяхъ организма, которыя являются результатомъ отравленія.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ назначаемыя нами лѣкарства имѣютъ значеніе *симптоматическаго* пособія, т. е. такой помощи, которая устраняетъ выдающіеся и болѣе тяжелые припадки болѣзни, не измѣняя ея естественнаго хода. Такъ, напр., при лѣченіи тифа стараемся понизить чрезмѣрный жаръ, уменьшить поносъ, поддерживать слабѣющія силы, устранить случайныя тяжелыя осложненія. Все лѣчение къ этому только сводится. Дѣятельность врача по отношенію къ болѣзни можно сравнить съ опытнымъ проводникомъ, руководящимъ путешественника по опаснымъ мѣстамъ. Болѣзнь—это опасный переходъ, гдѣ каждый неосторожный шагъ можетъ стоить жизни. Заболѣвшему нужно пройти это опасное мѣсто, а обязанность врача предостерегать его и, гдѣ нужно, дать руку помощи. Врачу нужно, поэтому, знать всякую опасность и умѣть во время устранить ее. Стало быть, врачъ долженъ знать всѣ свойства болѣзни, состояніе силъ своего паціента и имѣть въ своемъ распоряженіи средства противъ всякаго опаснаго симптома или припадка. Прерывать и останавливать болѣзнь нельзя и въ большей части случаевъ начавшаяся болѣзнь неудержимо проходитъ всѣ свои стадіи. На дѣлѣ оказывается, что нарушать правильное или естественное теченіе болѣзни форсированными мѣрами скорѣе бываетъ вредно для больного, чѣмъ полезно.

При отрицаніи специфическихъ лѣкарствъ врачебная наука предлагаетъ средства, болѣе или менѣе вѣрно дѣйствующія на разныя фізіологическія отправления нашего организма. Такъ, напр., существуютъ средства врачебныя, при помощи которыхъ возможно измѣнить дѣятельность желудочно-кишечнаго канала, вызвать рвоту или поносъ, задержать неумѣренныя кишечныя испражненія; усилить отдѣленіе почекъ или кожной испарины, уменьшить боль, дать сонъ и т. п. Вотъ такими то путями и средствами врачъ и лѣчитъ больныхъ, повышая или ослабляя дѣятельность отдѣльныхъ органовъ съ извѣстною цѣлію. Въ каждой почти болѣзни нарушеніе фізіологической жизни обнаруживается или выражается въ болѣе или менѣе определенной формѣ, поэтому и возстановленіе или уравниваніе

фізіологічних отправленій можетъ быть достигаемо опредѣленными путями и средствами. Вотъ почему врачебная наука и могла выработать для каждой болѣзни опредѣленные способы лѣченія.

Вѣроятно и вамъ случалось встрѣчать такое опредѣленіе слова жизнь „жизнь есть борьба за существованіе“, или, какъ выражается одинъ изъ Отцовъ церкви: „жизнь для жизни намъ дана“. Дѣйствительно, окружающая насъ среда и условія нашей жизни часто оказываются неблагопріятными для нашего здоровья. „Человѣчскій организмъ погибаль-бы отъ этихъ условій гораздо чаще, можетъ быть не въ состояніи былъ бы существовать и размножаться, если бы природа не одарила его силами противодѣйствія вреднымъ вліяніямъ. Эти силы у насъ выражаются способностію 1) уклоняться отъ вреднаго дѣйствія окружающей среды, 2) приспособляться или привыкать къ данной обстановкѣ и 3) устранять или перерабатывать начавшуюся болѣзнь помощію собственныхъ силъ организма. Вотъ для образца нѣкоторые болѣе для васъ понятные факты, указывающіе на самозащиту человѣка“.

„Вкусъ и обонаніе большею частію даютъ намъ чувствовать вредныя примѣси въ пищѣ, питьѣ и воздухѣ. Поверхность нашего тѣла защищена покрывающею ее кожицею отъ всасыванія могущихъ на нее дѣйствовать ядовитыхъ веществъ. Въ случаѣ поступленія въ организмъ вреднаго или ненужнаго вещества, оно можетъ быть удалено посредствомъ тѣхъ или другихъ, приспособленныхъ для этого, движеній или отправленій органовъ (кашель, чиханіе, рвота, слезотеченіе и пр.). Вредныя примѣси, попавшія въ кровь, могутъ быть удалены разными выдѣлительными органами (потомъ, мочей, слюной, поносомъ). Всѣ эти и многія другія, имъ подобныя, отправленія дѣйствуютъ въ нашемъ тѣлѣ помимо нашего сознанія, но вполне цѣлесообразно. Кромѣ такихъ инстинктивныхъ проявленій самозащиты, человѣкъ, какъ существо разумное, можетъ въ значительной степени сознательно увеличивать мѣры для своей безопасности. Онъ строитъ себѣ жилище, придумываетъ цѣлесообразную одежду, обрабатываетъ пищу, устраняетъ отъ себя вредныя нечистоты и пр.“

„Помощію привычки человѣкъ можетъ приспособляться къ разнымъ крайнимъ климатамъ, къ вліянію погоды, къ разнымъ родамъ пищи и питья, даже къ вреднымъ примѣсямъ и ядамъ, поступающимъ завѣдомо иногда въ организмъ. Благодаря приспособленію, привычкѣ

и предусмотрительности, ежедневно тысячи случаев, могущих дать поводы къ заболѣванію, остаются для человѣка безвредными и только самая малая часть ихъ, не получившихъ отпора, вызываютъ настоящую болѣзнь. Но и въ этомъ случаѣ организмъ не остается безпомощнымъ. Какое бы въ немъ ни произошло разстройство; силы его стараются придти въ равновѣсіе, проявляя родъ реакціи противъ болѣзни, устраняя изъ организма все, что мѣшаетъ его правильной жизни. Это достигается рядомъ очень сложныхъ процессовъ, изъ числа которыхъ можно указать на болѣе простые и понятные. Возьмемъ для примѣра обыкновенную занозу. Она, какъ инородное тѣло, возбуждаетъ въ кожѣ раздраженіе; организмъ силится удалить ее и достигаетъ этого посредствомъ воспаленія и нагноенія окружающихъ тканей. При вскрытіи нарыва заноза выходитъ вмѣстѣ съ гноемъ, послѣ чего въ ранѣ начинается рядъ процессовъ, заживляющихъ бывшее поврежденіе. То же самое происходитъ при отдѣленіи помертвѣлой кости“.

„При нѣкоторыхъ случаяхъ организмъ можетъ освоиться съ инороднымъ тѣломъ, не удаляя его изъ себя, но дѣлая его лишь безвреднымъ. Это достигается такимъ образомъ: въ окружающихъ тканяхъ происходитъ умѣренное воспаленіе безъ размягченія и нагноенія, вслѣдствіе чего образуются особыя перепонки, которыми инородное тѣло покрывается какъ капсулой. Такимъ образомъ заростаютъ въ тѣлѣ пули и другіе предметы и остаются въ такомъ положеніи на всю жизнь, или на весьма продолжительное время, безъ вреда для здоровья. При образованіи гангрены, напр., вслѣдствіе отмороженія или сильнаго ушиба, природа удаляетъ помертвѣлую часть точно такъ же, какъ всякое инородное тѣло, а на границѣ помертвѣнія созидаетъ новую живую ткань, закрывающую обнаженныя части (рубецъ)“.

„Если вредное вещество попадаетъ въ кровь, то организмъ старается удалить его посредствомъ тѣхъ органовъ, которые и въ нормальномъ состояніи служатъ для удаленія излишнихъ и отжившихъ продуктовъ животной экономіи. Къ числу такихъ органовъ относятся: кожа, почки и другія выдѣлительныя железы, а также и дыхательныя органы. Вотъ почему, между прочимъ, въ лихорадочныхъ болѣзняхъ придается такое важное лѣченіе мочѣ и испаринѣ“.

„Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзненные явленія устраняются регулирующимъ дѣйствіемъ другихъ органовъ, напр., усиленіемъ или

замедленіемъ кровообращенія, отвлеченіемъ на кожу или кишечный каналъ и т. п. Этимъ и многими другими способами организмъ борется со всякою болѣзною и очень нерѣдко побѣждаетъ ее безъ всякаго внѣшняго пособія. Мало того, многіе симптомы болѣзней суть ничто иное, какъ проявленіе этой борьбы, какъ стремленіе организма удалить изъ себя вредное начало или уравновѣсить нарушенную фізіологическую жизнь. Поэтому какое же значеніе можетъ имѣть искусственное пособіе при лѣченіи? Его роль не болѣе, какъ помогать природѣ. Самъ организмъ стремится избавиться отъ болѣзни, а внѣшнее вмѣшательство можетъ лишь помогать его усиліямъ. Безъ силъ и энергіи организма ни одно лѣкарство не можетъ оказать своего дѣйствія, равно какъ неправильно рассчитанное пособіе, по дѣйствію своему не соответствующее стремленіямъ организма, будетъ приносить вредъ, а не пользу“.

„Поэтому *успѣхъ лѣченія зависитъ отъ силъ организма и отъ окружающей обстановки*. Здоровый и крѣпкій организмъ, привыкшій противодѣйствовать внѣшнимъ вреднымъ вліяніямъ, гораздо труднѣе подвергается заболѣванію и легче управляется съ болѣзною, чѣмъ организмъ слабый. Вотъ почему дѣти чаще заболѣваютъ и умираютъ, чѣмъ взрослые, а деревенскіе жители, если только не изнурены непосильными трудами и лишеніями, легче переносятъ болѣзни, чѣмъ изнѣженное городское населеніе. Въ деревняхъ нерѣдко встрѣчаются случаи благополучнаго исхода самыхъ трудныхъ поврежденій и заболѣваній, не смотря на отсутствіе врачебной помощи. Это обстоятельство можетъ значительно облегчать задачу врачеванія въ деревняхъ. Но въ деревняхъ, съ другой стороны, существуютъ и неблагоприятныя для лѣченія условія, именно въ окружающей больного обстановкѣ. Отсутствіе приличнаго помѣщенія и ухода за больными, а иногда отсутствіе даже соответственной доброкачественной пищи и чистаго воздуха нерѣдко противодѣйствуютъ цѣлительнымъ силамъ природы и усиліямъ искусственной помощи. Принимая это во вниманіе, нужно стараться при лѣченіи всякой болѣзни по возможности шадить силы больного и доставить ему наиболѣе гигиеническую обстановку. Въ этомъ будетъ заключаться половина задачи лѣченія; вторая половина, собственно лѣчебная, можетъ имѣть успѣхъ только при соблюденіи перваго условія“.

Чтоже при лѣченіи болѣзней нужно предоставить природѣ и что

искусству? „Разъ болѣзнь излѣчивается не иначе, какъ при помощи силъ организма и постороннее пособіе играетъ тутъ роль подспорья природѣ, то не слѣдуетъ злоупотреблять лѣченіемъ, помня, что многія болѣзни, въ особенности не трудныя, могутъ излѣчиваться сами собою и что всякое лѣкарство, принимаемое больнымъ, особенно въ большомъ количествѣ или изъ сильно дѣйствующихъ по отношенію къ фізіологическимъ потребностямъ, есть инородное вещество. Назначеніе лѣкарства должно быть оправдываемо только особенными цѣлями и строго рассчитано на эти цѣли. Поэтому, повторяю, безъ крайней нужды не нужно прибѣгать къ лѣкарствамъ. Это предостереженіе особенно должны принять во вниманіе любители лѣченія, люди мнительные и избалованные. Легкія и скоро проходящія болѣзни вообще лучше предоставлять силамъ природы, не приучая людей къ искусственной поддержкѣ. Въ трудныхъ же болѣзняхъ слѣдуетъ избѣгать форсированныхъ мѣръ и сильно дѣйствующихъ средствъ, которыя могутъ быть обоюдоострыми, опасными. Для того, чтобы руководиться этими принципами, нужно знать свойства болѣзней и научиться опредѣлять ихъ“.

Въ виду вышеизложеннаго, прежде чѣмъ перейдемъ къ ознакомленію съ болѣзнями и съ разстройствами, вызываемыми каждою изъ нихъ, необходимо вамъ ознакомиться съ главными и первыми требованіями ухода за больными и способами или формами помощи и узнать дѣйствіе лѣкарствъ.

Д-ръ мед. *Мышкинъ*.
(продолженіе будетъ).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Врачебновѣдныя и современныя учителя народныхъ школъ. Безспорно, что прямая задача учителей приходскихъ и сельскихъ школъ есть образованіе и воспитаніе подросткающаго поколѣнія въ духѣ православной церкви. Но весьма жалательно, на ряду съ этой главной задачей, возложить на нашихъ учителей и другую обязанность—служеніе дѣлу народнаго здравія. Народный учитель ближе, чѣмъ кто-либо, стоитъ къ сельскому населенію; ему лучше другихъ извѣстно, какъ много жертвъ уносится ежегодно изъ среды сельскаго населенія повальными заболѣваніями, свойственными, преимущественно, дѣтскому возрасту: оспой, скарлатиною, дифтеритомъ, коклюшемъ, корью, кровавымъ поносомъ и друг.; сколько бываетъ въ темной народной средѣ другихъ непредвидѣнныхъ страданій,

несчастныхъ случаевъ и т. п., когда необходима немедленная медицинская помощь, но къ сожалѣнію—не всегда возможная вслѣдствіе малочисленности сельскаго медицинскаго персонала. Наши народные учителя проходятъ въ учительскихъ семинаріяхъ довольно обширный курсъ элементарной медицины и гигиены. Но многіе ли изъ нихъ служатъ народу приобрѣтенными въ этой области познаніями? Увы, почти никто изъ нихъ не приходитъ на помощь своимъ сельчанамъ въ горькія минуты постигающихъ ихъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. А между тѣмъ какую громадную пользу въ этихъ случаяхъ болѣзней могли бы они принести народу своими разумными совѣтами, наставленіями и производствомъ самыхъ простыхъ и несложныхъ операцій, какъ-то: перевязкой ранъ, ставленіемъ кровеносныхъ банокъ, клистировъ, горчичниковъ, мушекъ, холодныхъ примочекъ, согревающихъ компрессовъ, теплыхъ ваннъ и т. п. Вѣдь гигиеническія наставленія и правильный уходъ за больными нерѣдко приносятъ большую пользу, чѣмъ какія-либо аптечныя средства. Не менѣе благодѣтельно было бы для сельчанъ, если бы учителя доступнымъ для простаго люда языкомъ вѣяснили имъ всю необходимость и пользу дезинфекціи и ознакомляли ихъ съ простѣйшими способами производства послѣдней. Обиліе всякаго рода нечистотъ даже въ жилыхъ помѣщеніяхъ, не говоря уже о дворахъ, хлѣвахъ и т. п. и нечистоплотность бѣднаго сельскаго люда являются одними изъ важнѣйшихъ факторовъ его болѣзненности и смертности.

Устыдимся же, сотоварищи, нашего равнодушнаго отношенія къ святому дѣлу охраненія народнаго здравія; приложимъ всѣ старанія къ тому, чтобы помочь своимъ сельчанамъ въ тяжелыя минуты ихъ болѣзненныхъ страданій! Это—наша нравственная обязанность и да не уподобимся мы невѣрному рабу, зарывшему талантъ свой въ землю.

Учитель Вардзійской церковно-приходской школы *Т. Гачечиладзе*.

Церковно-приходскія школы. По сдѣланному Св. Синодомъ своду донесеній епархіальныхъ преосвященныхъ по школьному дѣлу, оказывается, что за періодъ 1891—1892 г. число церковно-приходскихъ школъ возрасло до 23000 съ 720,000 учащихся. За означенный періодъ построено новыхъ школъ свыше 7000 на сумму три съ половиною миліона рублей. Общая сумма средствъ по содержанію церковно-приходскихъ школъ достигла 2,838,585 руб. Въ эту цифру вошли: пособіе отъ государственнаго казначейства 175,000 руб.; изъ суммъ губернскихъ земскихъ сборовъ 286,285 руб.; отъ церквей и монастырей 275,000 р.; отъ братствъ, церковныхъ попечительствъ и благотворительныхъ обществъ 131,300 руб.; отъ земствъ 175,000 руб.; отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ 448,000 отъ попечителей и благотворителей 493,000 руб.; отъ городскихъ обществъ 48,000 руб.; отъ платы за ученіе 119,000 рублей.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Портреты Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.

Заведеніемъ графическихъ искусствъ Э. Маркуса (Вас. Остр. 10 л., д. 57) изданы напечатанные маслянными красками, портреты Его Величества Государя Императора. Портреты эти роскошно выполнены съ оригинала молодого талантливаго художника Галкина и напечатаны въ двухъ форматахъ, — поясные — 18—14 вершковъ) и доколѣнные — (23¹/₄—16¹/₄ вершковъ), цѣною въ 3 и 5 р.; несомнѣнно, что въ довольно длинномъ ряду другихъ портретовъ — эта работа хорошо извѣстнаго заведенія графическихъ искусствъ можетъ занять видное мѣсто, Портреты схожи, исполнены художественно и отпечатаны очень хорошо; во время выставки печатнаго дѣла Э. Маркусъ будетъ экспонировать ихъ, какъ лучшее доказательство успѣховъ хромолитографскаго дѣла въ Россіи. Въ настоящее время, въ pendant къ этимъ портретамъ, уже выполняются портреты Ея Величества Государыни Императрицы.

Содержаніе № 6-го. *Часть оффиціальная:* Высочайшій манифестъ. Высочайшее повелѣніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. Отъ Грузинскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. *Часть неоффиціальная:* Бесѣды на семь словъ Спасителя со креста, — Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Экзарха Грузіи. Религіозно-нравственное міровоззрѣніе русскаго народа по пословицамъ — *Як. Чредина*. Основы врачебновѣдѣнія — д-ра мед. *М. Мышкина*. Разныя извѣстія и замѣтки. Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. Тифлисъ, 16 марта 1895 г. Цenz., протоіерей *Е. Еліевъ*.

Типографія Е. Хеладзе, Лорисъ-Меликовская ул., домъ Квашоэтской Георгіевской церкви № 28-й.